

Литературное объединение
«ЖЕМЧУГА»

Евгений Алексеев

НА РУБЕЖЕ

Третий сборник стихов

Оленегорск
2005

Всё и Ничтожное
не здорово пахнет
обиейте гл. II. 05

Нельзя дважды вступать в одну и ту же реку.

Нельзя дважды писать предисловия к сборникам одного и того же поэта. Так думал я прежде. Так думаю и теперь, но, следя коварной человеческой природе, искушающей (вынуждающей, требующей) подчас нарушать даже самые элементарные правила, не могу удержаться от соблазна.

Предыдущий сборник оленегорского поэта Евгения Алексеева "Свет клином" вышел в 2001 году. Это все, что я помню. Нет, помню, конечно, многие из стихотворений, вошедших в ту небольшую, но по-своему очаровательную книжницу. Однако совершенно вылетело из памяти, о чем я говорил тогда, три года назад, предваряя ее появление. Говорил, скорее всего, о том, насколько серьезен и глубок поэт Алексеев, пишущий о вере, целомудрии, патриотизме, о том, как много в его стихах тяжких раздумий о судьбе России и о судьбе собственной. Если говорил я так, то был прав. Все это, перечисленное выше, присутствовало в строчках Евгения Ивановича и три, и пять, и более лет тому назад. Присутствует и теперь.

Тем не менее, нельзя сказать, что нынешний сборник по своей, как выражались бы в недавнюю эпоху, идеологической наполненности полностью повторяет то, что выходило у Алексеева раньше. Поэт интересен тогда, когда он непредсказуем. Этую непредсказуемость — оригинальную, иногда забавную, но напрочь лишенную "модного" ныне цинизма и никогда не противоречащую нравственным принципам автора, — я постоянно наблюдаю в новых стихотворениях Евгения Ивановича.

В чем она выражается? В двух словах этого не объяснить. Чтобы почувствовать, понять, оценить, нужно взять все алексеевские сборники (а их к настоящему моменту вышло три) и прочесть внимательно – стихотворение за стихотворением.

И когда после серьезных, глубокомысленно-нотационных строк вдруг наткнешься на совершенно неожиданное –

Походкой быстрой и неутомимой,
Как не ходил, я думаю, никто,
Она идет моей персоны мимо,
Свет рассекая фалдами пальто, –

тогда поймешь вдруг, что перед тобой не нудный лектор, не проповедник, решивший наставить человечество на путь истинный, а самый настоящий, живой человек. только быть может, чуть-чуть внимательнее, чем ты, задумывающийся над смыслом своей жизни, быть может, чуть-чуть чаще, чем ты, посещающий церковь и чуть-чуть реже, чем ты, позволяющий себе грешить, – но при всем этом он все равно *такой же, как ты*. И поняв это, ты начнешь ему верить, ты захочешь прочесть эту книжку от начала до конца. И если понравится – захочешь показать ее кому-нибудь еще. Для поэта, скажу по секрету, высшей награды не существует.

Сейчас я поставлю точку, сниму с полки "Свет клином" и прочту предисловие трехлетней давности. Наверняка оно было скучнее...

*Александр Рыжов,
член Союза писателей России*

* * *

Уже не ранней осени пора...
Не мало на чело легко отметин.
Но до сих пор в моё окно ветра
Приносят песни об ушедшем лете.

Там были смех и шутки у костров,
Прощанья, встречи –
все, что сердце ранит...
Я и теперь при случае готов
Собраться в путь неблизкий утром ранним.

Пьянит свобода, сладок ее дым!
Я припаду к ней, словно к аналою,
Слезами душу, как росой, умою
И захлебнусь простором голубым.

РОДОВОЕ ГНЕЗДО

Мой городок на Волге...

Сердце тает
И каждый раз восторга не таит,
Когда я ненадолго прилетаю
И вновь брошу по улицам твоим.

По тем местам, где бегал босоногим
С бретелькой на коротеньких штанах,
И где меня, как и мальчишек многих,
Учила жизни борская шпана.

Вон там,

недалеко, за переулком –
Родной мой «теплоходский» детский сад.
Я даже чую вкусный запах булки
И вижу ияни добрые глаза...

Как прошлого воспоминанья стойки!
И ноги вот уже меня несут
К знакомой мне до боли «Новостройке»
И дальше –

где движенье и мазут.
Туда стремлюсь –
за рельсы и вагоны,
За пустыри...
И вновь увидеть рад
Средь зарослей кустарника,
на склоне

Мой отчий дом

и рядом старый сад.

В нем и теперь цветут и зреют вишни
И белым цветом по весне кадят.
И бочка та же на углу под крышей,
И, как когда-то, воробы галдят...

Мне снятся этот дом

и этот садик,
Полынный запах скошенной травы.
Не потому ль так сладко сердце саднит,
Что вы гнездом мне стали родовым?

Март 2002 г.

* * *

* * *

Щурится блудное око,
Глядя в слезливую грусть...
Слава святым
и пророкам
Коими славилась Русь,

Кто освящал наши битвы,
Видел знаменья с небес...
Вот ведь –
читаем молитвы,
А под рубахой –
обрез!

Дышит испариной тело,
Чуя коварную месть.
Тает за окнами темень...
Что с нами будет?
Бог весть...

...Советы вредные глупцов
порой бывают, как отрада...
Но всё старей, старей лицо
неторопливого уклада.
И вот уж выцвели глаза,
не те уже спина и руки...
И встанешь ты под образа,
ловя в себе иные звуки.
Поймёшь вдруг, разом, не дыши:
В одном богатстве – мало прока,
Ведь кроме тела есть душа
и плохо ей вдали от Бога.

КРУЖАТ ВОРОНЫ

В непогоду зачинали свадьбы вороны,
В час, когда белы снега метут.
И кружились гордо – крылья в стороны,
И кричали что-то на лету.

Словно это души обездоленных,
Рано отошедших в мир иной,
На земле гонимых, но не сломленных,
Не обрящих счастье и покой.

Город спит...
В дали снегов кружение,
Фонари бросают тусклый свет...
Не за все ли прошлые лишения
Птицы и живут так много лет?

И теперь свобода им дарована...
В стороне от суеты людской
Кружат над снегами, стонут вороны,
Раня сердце болью и тоской.

НА ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Ещё ни мук, ни гвоздий на Кресте
И нынче праздник в Иерусалиме,
И Он нарек въезжает на осле,
И Дух Святой, и люди с Божиим сыном.

Струятся с неба яркие лучи,
Ликуют камни – старина седая.
«Осанна в вышних» – город весь кричит
И люди ветви под ноги бросают.

Течёт, струится праздничный поток,
С любовью и надеждой смотрят лица,
Не ведая, что сам Превечный Бог:
Въезжает к ним в предвечную столицу.

НА РУБЕЖЕ

*Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногой..
С. Есенин*

В движении все формы бытия
и даже камень, тыщу лет стоящий...
Одной ногой – в прошедшем веке я,
другую ставлю в веке настоящем
на зыбкую поверхность, что вот-вот
меня обманет мнимым постоянством,
и засосёт людской круговорот,
и душу испоганит окаянием.

Коснётся сердца ржа – сего боюсь,
к Создателю взываю, как умею:
«Не отступись, спаси родную Русь,
из мерзости восставь рукой своею.

А мне пошли удачу иногда
и слов молитвы трепетных, негромких.
И предки чтоб не ведали стыда
за своего далёкого потомка».

* * *

Нет, святошей я быть не хочу
И святым, очевидно, не стану.
Лишь у Бога прошу непрестанно:
Сохрани и спаси,
уврачуй.

Чтобы, Боже, и к старости лет
Моё сердце любить не остыло.
С Пресвятой Богородицей,
Сынё,
Огради от болезней и бед.

И в конце уходящего дня,
И у нового в самом начале
Помоги, чтобы не удручили
Ни тоска, ни унынье меня.
Укрепи
и в студёную рану
Приведи на церковные плиты,
Чтоб прославить святою молитвой
Мне твою милосердную длани.

* * *

* * *

A. I

Да, схожи люди –
часто тот же взгляд,
И уши наши те же звуки слышат,
И на земле никто не виноват,
Что лишь один порой отмечен свыше.

Его рука возьмёт любую кисть,
Напишет вымысел,
а может быть, реальность,
Но с полотна, волнуясь,
глянет высь –
И человек почует гениальность.

И так во всём, во всех делах земных,
К чему талант рукой ни прикоснётся –
Он чистым звуком в сердце отзовётся
Иль прорастёт в делах
ещё немых.

Колокольчиком жизнь отзенела...
И безбожная чья-то душа
Покидает с опаскою тело,
Предстоящего мрака страшась.

Но в привычном безверии ропщет
И кругом воровато глядит –
Где же Рая медовые рощи,
Где же огненный страшный Аид?

– Это в древности мифы создали,
Нас несчастных запугивать чтоб...
Видно, правильно делал хозяин,
Что ни грудь не крестил и ни лоб.

И зачем налагали вериги,
Шли на смерть, выбиваясь из сил...
– Покажи ей дороги, Вергилий,
Те, что Данте с тобой проходил.

Проведи её в царство Плутона,
Где трехглавый недремлющий пёс
И царица тех мест, Персифона,
Души грешных доводят до слёз...

Пусть пройдёт по щелям и траншеям,
Где предавшие Божий завет,
Корчась в муках и вытянув шеи,
С удивлением смотрят восслед.

Пусть сама, наконец, выбирает –
Да уж, верно, и времени нет –
Веру предков, сияние Рая
Иль больного философа бред.

И, быть может, в покаянном стоне,
Как звезда, прочертит небосвод,
И с надеждой колени преклонит
У закрытых Петровых ворот.

* * *

Бьют часы Вселенной первым часом,
Скрипнул, повернулся маховик...
Век двадцатый по земле промчался,
Будто вихрь, скоротечный миг.

Канули спрессованные годы
Мужества, открытий, зол и бед...
Ну, а что же Ното – царь природы,
Поумнел иль стал добре?

Нет!

Так и не познал он мудрость Слова,
Не уменьшился вопросов рой...
Вот и век уже начался новый,
Миру лиц показывая свой.

В повороте головы неспешном
И с прищуром красноватых глаз
Он глядит с лукавою усмешкой,
Наперёд всё ведая о нас.

И не раз людей суровой стужей,
Жарким солнцем обожжёт в упор.
Он, конечно, снова нас закружит,
Очарует видом снежных гор.

И ёщё не раз расстелит осень
Свой роскошный золотой ковёр,
И весной шальюю
Неба просинь
Подсияют глаза лесных озёр.

Только вот...
По убийственным мессам.
Всё слышней, и боль туманит взор...
И блестит на небе то ли месяц,
То ль на нас заточенный топор.

* * *

Где зло есть, где добро? –
блажен, кто скажет
и сможет заглянуть во тьму всков,
Откуда к нам, подобно тонкой пряже.
Сочится человеческая кровь.

Смешались в ней и праведность и подлость,
Коварный нож и Гамлета клинок.
И доброта нередко чует робость,
И знает Каин – он не одинок.

Ведь знает он и верит, что не сложно
Неискушенной, трепетной душе,
От Евы ставшей грешницей уже.
Страстям предаться и мечтаям ложным.

А что же ум наш, гордый и лукавый,
Открывший атом, гены и бином? –
Всё чаще ищет он богатства, славы,
Всё реже помышляет об ином.

Так пусть рассудком совесть управляет,
Творить поступки добрые нудит,
Пусть зазвучит аккордами рояля
И всколыхнёт любовь у нас в груди,
Велит нам, чтоб в пути не ошибиться,
Не повторять, бежать от дел лихих –
К Творцу приди с любовью,
помолиться
И попросить прощения за грехи.

* * *

ХИРУРГИЧЕСКИМ МЕДСЕСТРАМ

Доктору В. Богданов

О, славные былые времена!
Когда ты молод, устаешь не слишком,
Не трёт седло, и ноги в стременах.
И конь несётся в гору без одышки.

Нелепа мысль вести годам учёт,
И мы не слышим их с печалью крика –
Ночей бессонных и тревожный счёт
На сердце кровяным узором выткан.

А помнишь, как бывало,
и не раз –
В бессилье руки опустив со столом,
Ты, сняв халат, не поднимая глаз,
Стоял, сутулясь, в операционной?

Шумит, грозит давленьем в жилах кровь,
И в пояснице – как десятки сабель!
Suprema Lex – помочь в беде,
и вновь,
Как раб, твоим рукам покорен скальпель...

И чтобы мир немного лучше стал,
И сердце не покрылось мёртвой зыбью,
Давай, хирург, нальём вина в бокал
И, стоя, за твоё здоровье выпьем.

В хирургии медсестры
Королевы почти.
На язык они остры,
Сердцем, ох, горячи!
Если вдруг стало туго
И попал ты в беду –
Как для лучшего друга
Кровь свою отдалут.

Кровь сама сил немало
Животворных таит,
И, как часто бывает,
Чудеса сотворит.
Их надёжные руки
Смогут – в этом и соль –
Снять телесные муки
И душевную боль.

От сестёр медсанбатов
К ним дорожки ведут.
Там, спасая солдата,
Не считали свой труд...
На работе дотошные,
Тем медсестрам сродни.
Ой вы, ночи сплошные
И нелёткие дни!

В хирургии медсёстры
Королевы почти.
На язык они остры,
Сердцем, ох, горячи!
Хоть порою непросто –
Всё же можно узнать
Королевскую поступь,
Королевскую стать!

* * *

Походкой быстрой и неутомимой,
Как не ходил, я думаю, никто,
Она идёт моей персоны мимо,
Свет рассекая фалдами пальто.

И фалды те –
как руки дирижёра,
И поднят в воздух трепетный смычок,
Ещё одно мгновенье – дрогнет штора,
И обожжёт дыханием плечо,

Где ж ты колдун и умница, маэстро?
Сыграй же пьесу с чистого листа.
Но тишина...
Лишь отзвуком оркестра
Ласкает слух зелёная листва.

* * *

*Aх, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны, как в русской бане лыжи*
B. Высоцкий

Да славен тот, кто трудится на пашне,
И тот, кому подвластен жар горнил.
Хвала тому, кто Эйфелеву башню
На радость парижанам сотворил.

Как существо живое, башня дышит,
Людей своих везёт то вверх, то вниз...
Клубится чрево древнейшего Парижа,
И словно нет у времени границ.

Мы помним: здесь на пластиах кровь Марата
И королей твоих.

Пardon месье!

Мне очень жаль – нет прежнего Монмартра,
Как и Арбата прежнего в Москве,

Где в те годы, овеянные флюром,
Богемной жизни, пением цыган,
Под сводами каштанов или клёнов
Прогуливались люди наших стран...

Спустился сумрак, лег на древних крышиах,
Застыл громадой Notre Dame во мгле...
И вот уж вверх, стремясь, – всё выше, выше –
Бегут огни по башенной игле.

24

Уже не помню, было ли мне страшно,
Когда турист я, русский и без лыж,
Взобрался на какой-то ярус башни,
Откуда виден весь ночной Париж.

Вблизи огни струят бульвары ярко,
А там, вдали, выхватывает взгляд
Белеет тело Триумфальной арки,
Темнеют Елисейские поля.

Поодаль чуть от тёмно-синей Сены,
В Паласе Ивалидов чутко спит
Французами до неба вознесенный,
Кумир – герой сражений, гений битв.

Качает Сена маленький кораблик,
В наушниках поёт нам Joe Dassin
Про свой Париж.

А за бортом озябли
D'Art Modern, и Louvre, и D'Orse...

25

* * *

* * *

Туманы нали на леса,
как поздней осени наследие...
Но верю я – придёт весна,
Надеюсь робко – не последняя.

Проталит дырочки в снегу.
Обдаст черёмух белой пеной,
И зажурчат, и побегут
Ручьи по жилам тела бренного.

И может быть, её ладонь
Одним своим прикосновением
Затеплит в сумерках огонь
И мне подарит вдохновение.

Тишина и мычанье коровье
Да неспешные взмахи косы...
Как прекрасно деревни раздолье
Среднерусской родной полосы.

Сердцу русскому издавно мили
Сеть оврагов и неба размах,
Терпкий запах пахучей крапивы,
Что растёт за крыльцом, на задах.

Но всё чы-то мне видятся козни
Да лукавство, и в сердце изъян...
Умирает последний колхозник,
Но ещё и не видно крестьян.

И свободы не дал ни на йоту
Работягам чиновный наш род.
Лишь отбили трудиться охоту
Мужику на столетья вперёд...

Тишина... Трубку марево курит,
Горизонт искажая вдали.
От жары одуревшие куры
Распластались в дорожной пыли.

Жаждет влаги землица родная,
Предо мною дорогу стеля...
Многолетнею верой больная,
Ждёт хозяина Божья земля.

* * *

Мой друг, Иван!
Нет, ты пока не знаешь.
Что жил Апостол с именем таким.
Но звался Иоанном в древнем крае,
И был он мудр,
и Дух Святой был с ним.

Являясь благочестия примером,
И по земле в служении кружа,
Он до конца Христу остался верен.
Не бросил у Креста, не убежал.

С Учителем ходил по Галилее
И в будущее устремлял свой взор,
И был однажды на горе Фавор,
Когда Христа одежды побелели.

Объять его труды дано едва ли мне,
Но знаю – можно сотни раз прочесть
Прекрасное четвёртое Евангелие –
Дошедши до нас Благую Весть.

Ванюша, друг! Писание прости ты –
Любви и благочестия исток.
Узнаешь, как людей целил Учитель,
Какие чудеса творить Он мог
Не ведали досель ни глаз, ни ухо...

Но прежде чем уйти на небеса,
Апостолам послал Святого Духа,
Чтоб души неразумные спасать.

И если хмаря слепая утром ранним
Придёт к тебе и станет пелеко
Коснись священных строк «От Иоанна»,
Что к нам пришли из глубины веков.

12.05.2004

СААМСКИЕ СКАЗАНИЯ

В избе тепло, протяжно дышит печь.
Настой целебных трав щекочет ноздри.
Темно за окнами.
Хозяев речь
Ловлю я в полудрёме часом поздним.

Я встречае рад...
И рад услышать вновь
Друзей саамов устные сказанья,
Где тундра, духи, слёзы и страданья,
Добро и зло, и верная любовь.

Приходят лица из небытия:
Царевна Кайенч с женихом
и лгунья
Оадзе – злая старая колдунья.
И полумышь, прекрасная Ульян.

Вот Ярсем, витязь храбрый,
Лайна с ним.
Невеста в платье голубого цвета
Саамские Ромео и Джульетта
Средь северных берёзок и осин.

Я засыпа...
И слышу чей-то вой,
Уж не ему ли вторит бубен гулкий?
И не зовет ли снова злого Рулта
Из-под земли, шаман саамский, ной?

Кого ж он хочет нынче погубить?
Неужто тех двоих, две жизни кряду
Что на могиле предков дали клятву
Всегда друг другу верить и любить?

И вот в ночи шаман заводит песнь
И выпивает заином спирта чашу.
В камлании кружится, стонет, плачет,
Вынашивая тайно в сердце месть.

Когда же мир весь отайдёт ко спну,
Замрёт движенье в стане, смолкнет слово –
Придёт коварный Рулт,
и всё готово.

Чтобы ножом по шее полоснуть...

Далёкие картины жития.
Как осенью плоды, они сочны и зрелы...
А между прочим, есть шаман и Белый,
Желанный гость для всякого жилья.

Он силы зла и тьмы не пустит в стан,
Прогонит хворь и боль утишит в зубе...
Увы, давно не слышен в гундре бубен
И не кружит в камлании шаман.

И в руки не берёт настух свирель,
Ослабла тетива тугого лука.
Исчезла незаметно Аделутка
И уж никто не пишет Суоньель.

Но что грустить, – ведь счастье в этом есть.
Когда взамен пришла Благая Весь.

С ТОБОЙ СКОРБЛЮ БЕСЛАН, КАВКАЗ...

В стране моей опять, опять невзгоды.
Дни тяжких бел, страданий и страстей.
В Осетии какие-то уроды
Льют кровь невинных взрослых и детей.

Скорблю с тобой Беслан, Кавказ...
Россия
Стань детям покалеченным как мать,
Ты сохранить смогла под небом синим
Духовищу от Бога благодати.

И пусть ты вся в рубцах генеръ и язвах,
Упадок на земле твоей и глен –
Но светлый путь и возрожденье разве
Неразличимы на твоём челе?

Ведь срывы впиз, и кровь рекой, и беды.
И путь наверх в грядущем вене сим
Ещё давно, в глухих лесах поведал
Нам чудотворец, старец Серафим...

Придут войска и уничтожат банды,
Но и ЛЮБОВЬ от Бога нам дана
Лишь от неё изгубятся мутанты
И вновь повержен будет сатана.

ОДА ЖЕНЩИНЕ

Божественное, чудное творенье!
Твой нежный взгляд, изогнутая бровь
Порой, гаят источник вдохновенья,
Волнуют, горячат мужскую кровь.

Волнует сеть твоих морщинок малых.
Припухлость губ, любви горячий бред...
Не потому ль у нас в музейных залах
Нередок меж полотен твой портрет?

Где ты прости
иль во дворце у трона
В короне царской вдруг предстанешь нам.
То грусть в глазах, то блеск неутомонный...
И я не верю прожитым годам.

И вновь спешу, как раньше, за подарком
Чуть подиафе и щедрально побриг.
О, дщерь библейской Евы!
Снова жарко
Любовь к тебе в сердцах мужчин горит.

И я клянусь, что нет иного мнения:
Ты – соль земли,
её и грусть и смех,
Божественное, чудное творенье –
Само великоление
и грех!

ОСТРАЯ ИНФЕКЦИЯ

Изопью стакан я бражки
И на счастье иль беду.
Словно тать, к своей миланке
На свидание пойду.

От людей поможет скрыться
Нам густой тенистый сад.
Только вот беда –
    ей тридцать,
Ну, а мне –
    за шестьдесят.

Завладела страсть зараза,
Чувства бытъ,
    как по веете,
И куда-то делся разум.
Долг и мысли о семье,

Солнце катит ярким шаром
Из-за дальнего куста.
Растревоженные жаром.
Мы сольём свои уста,

Тратить слов не будем даром,
Коль любовью сожжены...
Кто-то смотрит долгим взглядом
На меня из вышины.

34

НАВАЖДЕНИЕ

Я сегодня с утра озадачен:
Ведь такое приснится ли?
Будто в сердце моём тихо плачет
Дева юная, Цзу-Сань-Ли.

В летаргическом как бы синдроме
Перепутал ясон и явъ...
Ты пришла, потянулась в истоме,
Прилегла, женский образ принял.

Я смотрю на восточный твой профиль,
В приоткрытые эти уста...
Что ж ты сдвинула тёмные брови.
Отчего же ты, лева, грустна?

Стан твой чувственен, тонок и гибок.
Манил пирсингом нежный пупок...
Может быть тебе кто-то обидел?
Нет любви и твой путь одинок?

Мне бы стать можно, право, на почку
Знатным шейхом, богатым Али...
Можно было б...

    Но ты биоточка,
Не лури, Цзу-Сань-Ли, не шали.

* Цзу-Сань-Ли – 36-я биоточка в китайской иглотерапии.

35

РУБЕЖ

*Ветеранам, защитникам Заполярья
посвящается.*

1. Мурманск, Умба, Териберка, древний Поной,
Святой Нос, полуостров Рыбачий...
Кольский край, что на карте лежит предо мной.
Словно ожил, очнулся от спячки.

Будто дрогнули губы проснувшихся рек
И озёра глаза приоткрыли,
Заворочался зверь, пробуждаясь в норе,
Чайки шумно расправили крылья.

Зашумели по тундре, запели ветра,
Заскрипели деревьев суставы...
Не исчислить людей, что пришли в этот край
Ненадолго, да так и остались.

Их крутила судьба и брала на излом,
Посыпала и радость и горе.
Те, кто сдюжили, – ставили церковь и дом.
Уходили на промысел в море.

Но случался печальный и траурный час –
Плач родных по кормильцу, опоре:
Исчезал навсегда в тёмном море карбас.
Что ж, судьба... Не кляните вы море...

И от слёз, от горячего пота земля
Отошла и оттаяла, видно:
Всех пришедших на Мурман трудяг-поселян
Приняла – никому не обидно.

И рыбачил народ, бил и зверя и дичь,
Свадьбы шумноправляли селяне.
И над их головами в морозной ночи
Полыхало, играло сиянье.

Кочевали саамы...
Зимой в холода,
От метелей и темени тяжкой
Гнали к югу по тундре олены стада,
Где пешком, где на санных упряжках.

И в трудах день за днём проходили гола,
Словно птицы, века пролетали...
И казалось саамам, что будут всегда
Эта ширь, эти волны дали.

Без оглядки ходили на озеро Сейд.
На Ловозере ставили сети.
Где хотели, ловили.
Хватало на всех –
Были взрослые сыты и дети...

Море щедро кормило поморов треской,
Красной рыбой в засоле семужьем.
Лес снабжал человека берёзой, сосновой,
Соком ягод, травой от недужья.

Богател этот край...
И от кромки земли,
Скинув с плеч свои мрачные думы,
Уходили из Мурманска вдали корабли,
Чтобы рыбой наполнились трюмы.

Накрывали их волны, сжимали в тиски,
Ураганного мощью страшная.
Но с богатым уловом по милям морским
В порт привнесли суда возвращались.

А в горах, в дикой тундре рабочий народ.
Трудолюбием предадам верный,
Отыскал кладовые природы...
Но вот –
Громыхнул, подыхнул 41-й...

2. Просел блиндаж. Окоп водой залил
И смолк давно сапог солдатских топот...
В местах у нас, где раньше шли бои,
Из-под земли услышать можно ропот.

В нём справедливый, с горечью укор:
Что вон, мол, здесь тогда, в сороковые,
Вас защищали мы, но до сих пор
Вы многих павших так и не зарыли.

А как хотелось бы найти приют
На Родине, в земле, под тихой сенью!
И неугодно нам на камнях тут,
Когда дожди секут порой осенней.

Да это ничего бы... Ну и что ж!
Не первый год дожди и ветры мают.
Но грустно оттого, что молодёжь
Спасителей нечасто вспоминает.

Хотя за них, за них пролита кровь
На Мурманской земле, на поле браны!..
Мне кажется, должны мы вспомнить вновь,
Как воевали наши ветераны
На той войне, когда передко миг
Решал судьбу – успех иль пораженье...
Я знаю: эти строчки скромный блеск
Тех славных знаменательных сражений.

Пусть те, кого в гранит не облекли
Покой отыщут в погребальной urne...
О них, о тех, кто в землю полегли,
Живи – не забывай свободный Мурман!

3. Рассказ воина

На замшелых камнях словно строчки
На древних скрижалях...
Их оставили пули, осколки снарядов и мин.
Здесь земля Заполярья огнём
Вся пропита книжалным,
Разве можно остаться в живых.
Уберечься под ним?

Всюду рвы и траншеи, поросшие плесенью, мохом,
Что хранят под собой и скрывают сражений посев.
И живые ребята в те годы здесь надали, охнув,
От осколков и пуль, даже очи закрыть не успев.

Справа – кромка земли и холодное Баренц море,
И ветра даже летом оттуда тепла не несут.
Слева – там, далеко где-то,
матери Господа молят.
Чтоб сынов защитил и отвёл хищной смерти косу.
Из каменьев убежища...
Холодом сводит суставы,
С неба сыплется снег вперемежку с холодным дождём
Рвётся сыйтый фаннист,
Нас считая противником слабым,
И в победе – и легкой и скорой –
почти убеждён.

Близок Мурманск...
И если сказать без патетики ложной –
Ох, как важен для них этот порт!
Этот северный град!
Только нет! Пусть мы сгинем,
но сбыться сemu – невозможно,
В наши спины солдатские
предки с надеждой глядят.

Эй, вы, древние жители – каяны, лопи и россы!
Поднимайтесь скорей, помогите нам в ратных делах!
Это ж ваним потомкам осколками головы спасит
И повсюду, повсюду гемнеют на камнях тела.

Будут долго они ещё грезить апрельскими днями,
Чутким ухом солдата знакомые звуки ловить,
А на родине павших, быть может, в Клину или в Рязань
Будут в мае в садах по ночам неспи петь соловьи,

Нет, поверьте мне – души убитых не умирают.
Заслоняют от бед и приходят в тревожные сны...
А пока что войне не видать ни конца и ни края,
О, как долго ещё до заветной, победной весны...

4. Три года в обороне – в стужу, в зной...
Скупы солдат движения, хмуры лица.
Как будто рок навис над нами злой.
Неужто это мы? Иль только снится?

Ах, если б...
Видит Бог – не раз, не два
Мы совершили дерзкие атаки,
Но гибла зря солдатская братва.
Покрыв собой места кровавой драки.
Такие, брат, хреновые дела...
А если нас, возможно, кто-то спросит
Про то, чем воевали мы?

Была
Винтовка, что давно придумал Мосин.
В тридцатые, чуть облик изменив,
Она и нам, в сороковые, служит...
Побольше б нам тогда стволов иных –
Многозарядных – вражеских не хуже.

Нас выручал не раз старик «Максим»,
Максименко родной, товарищ ратный.
О, сколько ж с нами он искалесил,
И побеждал, и смерть делал и раны.
...Идут слова ко мне издалека,
И голос говорящего простужен:

Три года, а как будто бы века
Стоям мы здесь, на каменистой супне,
Открытые ветрам, несём урон,
Фашистов проклиная, бездорожье.
От сообщений Совинформбюро –
Так на душе тоскливо и тревожно!

Нет времени поспать, перекурить
Спокойно
И с друзьями выпить водки...
Противник ширит с Муста-Тунтури
И день и ночь по нам прямой наводкой.

Но знает немец, шут его дери –
Пристреляны береговые пушки,
И не пройдут в Петсамо корабли
Они у Поначевного на мушке!

И мы, пехота, здесь – не первый день,
И к немцам засыпаем разведдроты
За «языком», тушенкой в дождь и темь
Обычная солдатская работа.

А ночь кромениная – наш лучший друг:
Как призраки, скользят бесшумно тени.
И только вехлин циль вскрик раздается вдруг,
И снова тишина весь мир объемлет...

И пусть у них в горах укрепрайон,
А на высотах – всюду лоты густо.
Но воевать с фашистским вороньем
Мы всё же стали более искусно.

По тропкам, им неведомым, кружка.
Уже мы обходились кровью малой.
А может, стало больше куражка,
Которого нам так недоставало?..

И вот свершилось!
Прозвучал Приказ
И окрылил нас мужеством и верой,
Он молнией сверкнул и поднял нас
От жизни утомительной и серой.

Ах, немчура! Где ваши любимый дом?
Зачем вы здесь?
Кто звал вас, суетолюбы?!
И все поймут и убедятся в том,
Что наступил великий час РАСПЛАТЫ...

5... И громом вспорот воздух.
Артобстрел!
Да, от него зависят почерк боя,
Давай, браток, возьми точней прицел
И уничтожь, что немец нонастроил.
Из нашей же, о, Господи, руды
Фашист отлил стволы орудий многих.
Не сочтите тот груз, что к немцам в тыл.
Ушёл по тросам подвесной дороги.
И что ни сопка – то укрепрайон.
Опорный пункт – один монолит другого.
Залез фашист в железо и бетон,
Как в тело клещ впился, упёрся рогом.

И вот, когда затих спарядов вой,
Настал и твой черёл – вперед, нехотя!
Но это будет, ох, тяжёлый бой –
За каждым неприятелем охота.
Что там, в горах, живой сидит пока.
За каждый куст на безымянной сопке.

Дорога наша только на закат –
Чрез реки каменистые, но тропкам...
Вол, узкая, казалось бы, река,
Но так ужасно холода в час ранний.
И непроправы нет.
И весть горька
Отец солдат – комбат – смертельно ранен.

Двадцатый полк с стрелковый, рядом с ним
Шеестидесятый, сзади – тридцать пятый...
Святой Георгий в небесах возник,
Он с нами, здесь – и праведный, и святый!

Горит земля... Повозки кверху дном...
Вблии Большой и Малый Каракайвинь.
В горах тех враi, и так прижал огнём
К родной земле, что, кажется, не встанешь.

А надо встать!
Возможно жизнь отдать!
Но коль отдать дороже, не напрасно...
Враi озверел, нельзя уж больше ждать,
Зовёт солдат час наступления властно.

И в этот мудрый, выверенный час.
Чтобы потом в кулак единый сгнться,
Оставив сзади Западную Лицу.
Пошла в атаку войсковая часть,

Но что это?
Немецкий ожила дзот.
За ним ещё один проснулся рядом.
И вновь по нашим шарит пулёмёт.
Не встать с земли и не поднять отряды.

Бледны, угрюмы лица у бойцов,
Под вражеским огнём редеет рота...
Сержант Загоркин выдернул кольцо –
Летит граната в амбразуру дзота.
Ещё бросок гранаты...
Насовсем

взята высотка, отбиваясь злото.
С отметкой «232 и 7» –
Хвалёный, неприступный «Цуккерхюттель».

Ну, а затем разгромлен «Рибенкопф»,
Пад «Гайнерлагер», «Изельлагер», «Орцлер»...
Сулили Рейху 1000 веков.
Вот только русский штык мундир испортил...

Посеять страх, смятенье у врага,
Опередить его –
Залог успеха!
И вот уж грянуло: За Сталина! Ур-ра-а!

И, прогнув, отступили солдаты.
Элитные войска, налажда Рейха...

Наверное, рука устала жать
У той, что в белом и с юсой проворной,
Осталось много воинов лежать;
И немцев, и своих на склонах горных...

А путь дивизий наших – лишь вперед!
На Киркенес, на Никель, на Петсамо,
Их ждут бои, и смерть, и речки вброд
До той поры, когда войны не станет...

Прошёл Октябрь...
Упал последний лист,
Приходит зимы надолго возвещая...
И, отступая, зверствовал фашист,
На мирных людях злобу выменивая.

Немало мне рассказывал земляк,
Зенитчик в прошлом, Милыakov Василий,
Про зверства немцев, что простигть нельзя.
И про угрюмость своего бессия.
Когда увидел он, тогда солдат,
Суровостью войны ожесточённый,
Где раныне был барак для заключённых –
Лишь трубы на пожарище стоят.
Случилось то в посёлке Эльванес,
Откуда враг в любую непогоду
Гнал наших заключённых в Киркенес,
Чтоб разрушать вагоны от породы.

46

Сожгли, как хлам ненужный, солдаты
И взрослых и детей, облив бензином.
Стоял Василь, пытку геребя,
И пахло жженой костью и резиной...

Враг отступил,
Но шли ещё бои.
В Берлине фюрер о реванше бредил.
Никто не знал – ни немцы, ни свои,
Что нам всего полгода до победы.

До тех времён, тех радостных, когда
В лицо новеет с моря ветер свежий,
Когда глаза уставшие солдат
Норвежское увидают побережье...

ЭПИЛОГ

Зачем, зачем тревожить раны вновь?
Век прежний канул, новый народился.
И с немцами у нас теперь любовь,
А тот Союз, что был – не сохранился.

Я плакжу блиндажа просевший кров
И край плиты зеленоватый, рваный...
Нет, не напрасно проливали кровь
И воевали наши ветераны.

Им руку жал австриец и румын.
С любовью женщинны цветы дарили.
В их честь повсюду ладаном кадили
Под европейским небом голубым.

47

И помнит их Париж, Берлин и Осло,
А в Киркенесе, в парке Хаганес,
Стоит советский воин – ростый, в бронзе –
И кажется, касается небес.

На рубеже... Как страж...
Лицом к фьорду
Стоит наш исполин в туманной мгле.
Войне той завершающим аккордом
И памятью о Мурманской земле!

11.1999 г. – 05.2004 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

*Моей жене Наташе
посвящается*

*...Будаевка!
Никогда не будет
местности прекраснее,
чем ты.*

Э. Басрицкий

1.

Уже виски покрыла сединой,
и быстротечных лет прошло немало
с тех пор, когда белой пришла война,
неся в мой дом страдания и слёзы.
Но сладостны воспоминания детства...

Я не забыл тебя, мой город Бор, –
уютный, тихий городок Поволжья,
твои однотажные дома,
на стенах потемневшие таблички:
являясь как бы паспортом жильца,
они расскажут вам, в каком году
был в городе пожар или наводнение.
Над ними к ночи зажигали свет,
чтоб каждый смог и в темноте прочесть
фамилию владельца, год постройки.

Забыть ли мне цветение садов
и запахи спрятанной майской ночью,
мерцанье звёзд и первый поцелуй.

весёлые разливы монголой. Воды
когда она, как русский боярынь,
тремоту склонув
и расширив плечи,
ломада лёг, как будто скорбну.
И к горлу видимую приближалась...

И наступали благословные дни,
когда мы с другом стаскивали лодку,
чилиль торопясь, её бока,
гузрили рассохшиеся щеки
И, наконец, по тихой глади вод
скользила наша старая «Казанка».

И в памяти:
малиновый закат,
в усююнтах изекрывают вёси,
струится, лихо ищется вода,
слегка волной покачивая лодку.
И звуки зарождаются во мне,
од красоты вокруг захватывает дух
и, словно птица, взмыл несётся песня:
«Ах, хорона гутая ночь-андрея,
как пролетели
я и не заменил.
По почему глаза твои горели
когда со мной прошлась на рассвете?»
Л. Амир, Л. Амир...
И были там слова,
чтоб руль не оставил моряк влюблённый...

Река же ведёт название погубив,
изобновив луга и обрыва,
озера и речушек сияющим плесом,
в конце концов, в родные берега,
доминяя собою, возвращая нас...

А как был чуден город до войны!
Приятливый,

ухоженный
и чистый!

По праздникам
песо-

и тогда
за окнами непреемимых окон
звучали песни, музыка и смех,

...По грядущим, окажшийся
и перед мой наложил стал другим
приник
и опустел,
и затишлся.

Тревожные лучи прожекторов,
как пытки, опускали небо.
Ушли мужчины,
В городе остались
подростки, женщины, да старики,
И, словно воронье, слоха, на Бор-
стеленце уловники, блестящие
изразцами водостоки и всех мастерей,
И облик изменился городам,
Фронт, вынужден неумолимо к Волге...

2.

И с самых юных лет вошел в историю
петровский быт послевоенных улиц
с их обгорожной, чуткой пинтией,
когда за вами через занавеску
внимательно следят, рукой склоняя
наганы рукоять или ствол ружья...
Всё было так.
Мне подлинно известно,
что не один подыщущий чужак
бесследно и навеки исчезал
средь борских тунников и переулков...

Так кто же был земляк мой, обыватель?
Я и теперь не знаю...
Может, тот,
кто осуждён за кражу и разбой
и, отмогав сююна свой срок на нарах,
был изведен по решению прокурора
сююа, на Бор, подальше от столицы?
Или честный муж, кто по павету злому
ещё в былье годы, до войны,
решением «орианова» суровым, быстрым
был осуждён по 58-й.
Динёй семьи, работы и регалий
и, в лагерях «десяту» отпахав,
приехал в этот край,
да и остался...
А может, это пишущий народ:
романтики – поэты, волынодумцы,

кто был и прежде власти не уделен.
Сюда в пятидесятих сююи был
и Бор прославил именем своим
и память благодарную оставил?

Немало их в те давние годы
на Шверника у нас в гостях бывали.
Шутили, пили чай, стихи читали,
В лото играли или в проферали...
Я многих знал: в глазах передо мной
высокий, элегантный Августинов
табачный раб и прияанный поэт;
Трофимов Валентин – отряжак,
редактор
в те времена газеты городской,
и Сточек Михаил – неугомонный,
поехало правду штучний ио и.
(известный всем артист сказывал о нём:
«Литературе нужен Сточек,
как же... фильтровый фильточек»,
не правда ли, удачный каламбур?)
А Валька Бублик – борский содовей!
В моих ушах и до сих пор звучит
его прекрасный лемешевский голос...
Их всех, поди, и нет давно в живых,
и сколькоих ужас! я уже не помню.

3.

И всегда под ногами был песок.
Не тот речной,
что жёлтый, крупный, чистый,

а мелкий-мелкий,
серый, словно пыль,
который, верно, тыщу лет назад
и крупным был,
и чистым,
и беспыльным.
Но каждый раз с разливами реки
песок тот грязным илом засорялся,
Столетья миновали
и теперь
он лежит пахадью в рече, в глаза и в уши,
скрипел у всех противно на зубах
и тонким слоем веял в жилищах.

И лишь потом, спустя десятки лет,
когда взметнулись ввысь мноёэтажки
и лёг дымясь, на улицах асфальт
он нехотя притих и затаялся...

Я помню клуб завода «Теплоход»...
Сюда по вечерам валил народ:
характером, одеждой самый разный –
и осторожный борский обыватель,
и молодой шумливый комсомол,
и только что принесшие с войны,
в ещё пропахших иорохом шинелях
киношку поглядеть, поганцевать,
с приятелем в буфете выпить водки.
В воскресные и праздничные дни
в фойе играл оркестр и пели песни
о днях, когда в садах бушует май.

54

о фронтовых дорогах,
о любимых,
про верных жён
и еёны матерей,
про отёк на девичьем оконке...
И уходил куда-то подний страх,
А среди людей подынивших, весёлых
(был повод выпить – ты остался жив,
пусть без руки или ноги
но, ведь, живой!)
спавали мы, никакие панцыри,
всё примечая и запоминая,
Карманы потрошили пинчи,
и терлись у билетных касс блестые...

А ниже
по течению реки,
как будто бы из вирья из русской сказки,
стоял тогда густой еосновый бор
из золотистых корабельных сосен
одна к одной, как ёёстры-блitzены.
Их мощные извилистые корни
за многие века переплелись
и вверх стволы прямые вознесли,
как чистую и светлую молитву...

В те трудные и памятные годы
звалось то место Моховые Горы.
Но не было здесь гор уже,
а так –
всего-то лишь пригорки из песка.

55

Вокруг, поодаль шел густой полесок
из зарослей колючей ежевики,
малины и смородины лесной.

А уж какой там был целебный воздух,
настоящий на смолянке хвои,
на чудодейственных лечебных травах
прекраснее антики в мире нет!

И знало я, уверен:
воздух тот
да свежее дыхание реки
тогда еще могучей, чистой Волги
казалось, невозможное творило.
Пред ними отступала туберкулез
и многие тяжёлые болезни...

Тот бор, наверно, сотни лет на вид
рос и в других местах левобережья.
В неизроходимых береженских лесах
природы давал упрямым староверам,
не пожелавшим никогда смириться
с новым уставом православной церкви.
Сюда бежал лихой российский люд
от виселицы, от тюрьмы и плахи...

И я бывал когда-то в тех местах
с отрядом моих сверстников по николе,
и проходил по древним поселеньям,
прилежно изучая Борский край.

56

От тех звёздных, словно в дымке, лет
остаюсь в памяти не очень много:
бездожно жаркое, сухое лето
и минная бесполезность деревень,
на наших ног кровавые мозоли
и рот сухой.

И так хотелось пить!
А на колодцах
крынички под замком,
Недружелюбные косые витязы
на нас, ребят, из окон тёмных изб:
И знали мы — не пускают нас и в сени,
не приглашают зайти перед откупом,
и с неохотой воду подадут,
и только если в собственную кружку...

По разве можно осуждать народ,
который ради старой веры претков
бежал за Волгу,
в путь глухомань,
немало я, наверное, линившись,
и многими веками в страхе жил
и при наре, и при Советской власти.
Не потому ли у них свои законы,
свои понятия „добра и зла?..

Мне стыдно и печально сознавать
не те сегодня Маховые Горы,
как будто их и не было совсем
зажжены прекрасные леса.

57

порублены реликтовые ели,
не тот, не тот давно уж запах трав,
что и целил и сердцу быг отрадой.
Остался только свежий ветер с Волги...
Неонастинке знал я те места
в их прежней незатуманной красе,
где было в равной мере хорошо
и птице, и зверю, и человеку.
И потому особенно мне грустно!

4.

Мальчишки!
Новостройская шапана!
Я помню, помню каждого из вас,
вас, драчунов и мелкие воришки.
Где вы
и живы ли сейчас
Лобан, Полуда, Коробов Андрей.
Широков Витяка и Гуковы братья –
друзья мои и сверстники мои
далёкого и непростого детства.
Я с вами роё и рядом с вами жил
по уличным, неписанным законам.
И драчился, и на шухаре стоял,
и с вами вместе лазил в огорода.
И никогда я не забуду тех,
кто от ножа погиб во время драки.
Но кто, в горьму по глупости попав,
стал вором навсегда, рецидивистом,

58

Однако, кроме уличной шапаны,
иные также числились ребята,
погодки – мои школьные друзья,
те, без которых и прожить нельзя,
с кем я не раз еле погом встречался:
Вот благородный Женяка Королёв,
насмешливый и мопцый Алька Климов,
(меня помнится, на школьных вечерах
девчонки звали нас «Три мушкетёра»),
Гугушкин Коля...

Всех не перечесть.
Но ближе мне по мыслям и по духу,
наверно, всё ж был Юрка Куликов –
Товарищ верный по почам бессонным.
Бывало, летом он через окно
на кухню залезал ко мне проворно
и до утра, к приёмнику прислонив,
мы на КВ ловили звуки джаза...

Как знак войны, проклятое клеймо
нас всех родила непроходящий голод.
Новсюду и везде он был со мной:
в нашествиях почных на огороды,
в весёлых пионерских лагерях
и на широкой, милой сердцу Волге,
на многолюдном шумном Борском рынке,
за школьной партой.

дома
и во сне.

59

Он запихал на время линь тогда,
когда я получал краюху хлеба
и с другом тёл в Зиволжские луга,
где нас ленил нахучий лук лук,
и нирь небес, и ласковое солнце...

И порой я задаю себе вопрос
псухто это было всё?
Неужто
я не провёл мазайинеские дни
в сырой и мрачной камере на нарах,
не выел грудь мою туберкулёз
и в рот бараний по согнула язва?
Нет, не случилось!
Уберёт Господь,
итые мне лороды предлагая...

5.

И помню также:
в сумеречный час,
в наполненной утром уютной кухне,
я застал с ногами на кровать
и в руки брал пограничный букварь,
листал его, разглядывал каракули.
Особенно одна была мила
унылому, голошому же юноше
где «А» — арбуз с малюсеньким надрезом
и с полосатой глянцевитой коркой.
(Потом уже, в ступенческой артели,

60

случалось мне арбузы разгружать
на стrelке, на Сибирских пристанях,
куда под осень баржи приносили
с извозьев Волги, с Астрахани гонкой,
И каждый раз букварь мне вспоминался,
и тот арбуз с малюсеньким надрезом)...

О, а книга! Кириллица родная!
Нельзя тебя не полюбить
за вложенную в образы мудрость,
за красоту,
за гайну величества,
когда твои разрозненные буквы
в тёплые давние, на тёплой кухне,
в знакомые слова преображаются!

И от тепла, уюта готовая,
как будто был с небес, из чулка
я слышал пежмий, тихий голос Мамы.
Она, уставшая за целый день,
мне что-то объясняла и читала
наверное, тот пограничный букварь.
И волосы её порой касались
моей, ко спутанной голове...

А в темноте, за блажним густырем
в ночное небо бухали звезды,
дрожали стёкла в переплётах рам,
и иногда, как будто кручиной град,
но крыши дома звякали сквозь них.

61

Но страха не было.
Скорей наоборот –
во мне росла уверенность в Победе.
Не потому ль, что рядом был букварь
и Ангел мой хранитель –
моя МАМА?

ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ КОЛЬСКИЙ КРАЙ

Север мой, ты на краю России,
Позади лежит Полярный Круг.
Край озёр, лесов и троп лесных –
Я люблю тебя, как нежный друг.

ПРИПЕВ: Как красив на закате простор
Серебристых заснеженных гор.
Вечно взгляд восхищает узор
Голубых озёр.

Тишина в полях... Лишь буйным цветом
попыхает стройный иван-чай.
Словно в сказке лес пронизан светом
И таин отраду и печаль.

ПРИПЕВ.

И не счастье в моём суровом крае
Кладовых, что под землёй лежат...
Без тебя, родное Заполярье.
Мне не жить, свободно не дышать.

ПРИПЕВ.

Ты прекрасен и рапией весной,
Тёплым летом и снежной зимой,
В тундре ликой и чаше лесной
Ты всегда со мной,
Ты всегда со мной.

ПЕСНЯ

О берег речка плещется водникою,
Тебя всё пёт – и я схожу с ума.
Приходит ночь...
И в тебе падо чилю
Сияет златокуяра луна.

ПРИНЕВ: О, дева непорочная, почная,
Пролей свои волшебные лучи,
И, всех влюблённых на земле венчая,
Ты и меня сегодня к ним прости.

И помоги сегодня на откосе
Мне встретить ту, что грешно люблю.
И если кто меня, возможно, спросит:
«О чём мечтаешь?»
я не угаю.

ПРИНЕВ.

Всё глубже ночь и всё короче тени,
Росой умылась мяккая трава...
Прошли годы...
Я снова раб и пленник
И вновь испечу забытые слова:

ПРИНЕВ: О, дева непорочная, почная,
Пролей свои волшебные лучи,
И, всех влюблённых на земле венчая,
Ты и меня сегодня к ним прости.

64

КОРАБЛИ

Спускается вечер над Кольским заливом
И весн генном от земли.
И снова, и снова заходят с приливом
В порт Мурманский корабли.

Чтоб проле мучительно-долгой разлуки,
Родные места навестить.
И якоря, как усталые руки,
На рейде в залив опустить.

И в час, когда сонки туманы покроют,
Грустит корабельная сталь.
И чудится в садбестной дрёме порою
Морская безбрежная даль.

А память хранит, словно ока зеницу,
Шторма, рёв пучины, аврал.
Усталые лица, счастливые лица
И рыбой наполненный трап.

И лишь только утро над гладью забрезжит,
Покажутся сонки в дали.
В открытое море уходят неспешно
На промысел вновь корабли.

В каких бы морях их судьба не посыла,
Они – как души моряка;
И в будни, и в праздники сияет Россия,
Свет Мурманского маяка.

65

ВОТ И СНОВА В НИЖНЕМ...

Вот и снова в Нижнем
зацветает лина.
По душе мне очень притягательный аромат.
В липовых аллеях вечерами тихо,
Лишь одни влюблённые до утра не спят.

(Повторение 2-х последних строк во всех куплетах)

Им я не завидую –
счастье линь мгновенье!
Время утопило в Волге много дней...
Весь и мы любимы до самозабвения
В шёпоте горячем липовых аллей.

Пусть мы повзрослили,
пусть нас старят годы –
Дни далёкой юности позабыть нельзя!
Как и раньше, катит Волга свои воды
И со мною вместе старые друзья.

Вот и снова в Нижнем
отцветает лина,
За рекою гаснет медленно закат...
Отчего же хочется мне кричать до хрипа,
Словно перед кем-то стал я виноват?

1973 г.

66

ЮНОШАМ И ДЕВУШКАМ С КамАЗА

Над страной звучат родные песни
И искрятся ритмы – что топазы.
Шлют привет далёкой Красной Пресне
Юноши и девушки с КамАЗом.

ПРИПЕВ: День и ночь в цехах кипит работа
И взметнулись в небо корпуса –
Помогает Родина забота
Нам творить и делать чудеса.

Их не испугает трудность буден,
Собрались сюда не для показа.
Родина имён не позабудет
Юношей и девушек с КамАЗом.

ПРИПЕВ.

Я б хотел душою с ними слиться,
В сердце взять отваги до отказа.
Я б читал прекрасных книг страницы
Юношам и девушкам с КамАЗом.

ПРИПЕВ.

1976 г.

ПЕСНЯ ОБ АНИВЕ

На юге Сахалина, у залива,
Где Лютога заканчивает бег,
Есть городок с названием Анива –
Милей на Сахалине места нет.
Стоят на страже сопки горделиво,
Лениво лежут волны пляж морской.
Взметнулись новостройки над Анивой
И слышится в дали напев простой:

ПРИПЕВ: Сахалинские ветры
Гонят с моря прибой.
Мы в Аниве рассветы
Вновь встречаем с тобой.
Мы в Аниве рассветы
Вновь встречаем с тобой.

Люблю я рек весенних половодье
и обновление жизни в том краю.
И рыболова труд и полевода
На Сахалине с гордостью пою.
Мне этот город кажется всё краше
И по душе весной разливы рек.
И сопки, и луга – Отчизна наина.
Здесь утро Родины берёт разбег.

ПРИПЕВ.

15.11.1975 г.

P.S. Многие годы жители города Анивы просыпались под чарующие мелодии этой песни.

67

От автора

Дорогой читатель!

Во-первых, извини за некоторые как бы поучения (или наставления), которые проскальзывают в моих стихах. Просто я живу долго, и мой жизненный опыт позволяет мне разбираться в некоторых вопросах лучше остальных.

Я не навязываю свой образ мышления, свои взгляды другим, но если они придутся кому-то по душе или совпадут – то буду очень рад.

А во-вторых, чтобы понять, откуда что и почему так – изложу вкратце свою биографию.

Родом я с Волги, и моя малая Родина – город Бор, что на левобережье великой русской реки. Там прошли годы моего военного и послевоенного детства, весьма сурового и непростого. Закончил медицинский институт в Нижнем Новгороде (тогда он был г. Горьким) и в 1974 году, после защиты диссертации, уехал работать на Сахалин.

И лишь только стихийное бедствие заставило покинуть этот благодатный край. А в 1983 году, также по приглашению друзей, я приехал на Кольский полуостров, в Оленегорск, где и работаю хирургом.

Писать стихи начал поздно, если не считать нескольких стихотворений в 70-х годах.

В конце 20 века и начале 21-го с перерывом в два года вышли два моих сборника стихов в Оленегорске, один из которых посвящён светлой памяти моей мамы Маргариты Петровны (сборник «Вольные птицы»). В нём читатель может найти описания нашей суровой, неброс-

68

69

кой, но по-своему красивой природы и такой близкой и милой сердцу человека Севера:

«Я принял красоту и строгость Заполярья,
От этой красоты порою дух замрёт...»

Также в него вошли четыре перевода саамской поэтессы Александры Антоновой.

Второй («Свет клином») содержит размышления о жизни, о вере, что, наверное, свойственно человеку моего возраста.

О чём стихи в этом, третьем, сборнике? Тема практически не изменилась, ибо не изменился автор.

«Мы все родом из детства», и, как человек, проживший уже изрядный кусок жизни, возвращается памятью в своё детство (желательно не впадать в него), так и я в этом не оригинален – в сборник входит небольшая поэма «Воспоминания детства». Совершается чудо...

Где-то в синапсах нейронов головного мозга задерживается негативная информация о тех далёких, тяжёлых военных и послевоенных годах, о многочисленных детских душевных и телесных травмах, и остаётся что-то светлое, тёплое, шемящее душу.

В сборнике есть ещё одна небольшая поэма. Она посвящена нашим героям – ветеранам, защитникам Заполярья и называется «Рубеж». В неё вошли воспоминания о Великой Отечественной также и наших земляков-оленегорцев (В. А. Мильчакова, А. Ф. Волыхина, И. К. Никитина, П. С. Морозова, Е. Ф. Михайлова и других).

Название сборника не связано с поэмой «Рубеж».

На рубеже – это межа между прошлым и будущим, это и невидимая, чаще всего, черта, переступив которую, человек, ещё не сознавая, становится качественно другим.

Мы изменились, и сильно, за последние 10-15 лет, причём не в лучшую сторону. Лично мне грустно, что в нашем обществе всё меньше духа романтизма, доверия и любви (не плотской), а всё больше духа наживы, меркантильности и неверия.

Вот поэтому, наверно, строки о духовности – нередкие гости в моём творчестве, за исключением нескольких озорных стихов.

Завершают этот сборник несколько песен, написанных мною в разное время (здесь и лирика и элементы советской патетики, так нам свойственные в те годы). Насколько получился этот сборник – судить читателю.

P.S.

Выражаю огромную благодарность члену Мурманского отделения Союза писателей России Рыжову Александру Сергеевичу за работу над рукописью настоящего сборника.

А также выражаю признательность и большую благодарность Мельяновскому Леониду Владимировичу за оказанную материальную помощь при выпуске этого сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

«Уже не ранней осени пора...»	5
Родовое гнездо	6
«Шуриня блудное око...»	8
«Советы вредные глупцов...»	9
Кружат вороны	10
На Вербное Воскресение	11
На рубеже	12
«Нет, святощей я быть не хочу...»	13
«Да, схожи люди...»	14
«Колокольчиком жизни отзвенела...»	15
«Быют часы Всепениой...»	17
«Где зло есть, где добро?...»	19
«О, славные былие времена...»	20
Хирургическим мадесстрам	21
«Походкой быстрой и неутомимой...»	23
«Да спасен тот...»	24
«Туманы пали на леса...»	26
«Тишина и мычанье коровье»	27
«Мой друг, Иван...»	28
Саамские сказания	30
С тобой скорблю Беслан, Кавказ...	32
Ода женшине	33
Острая инфекция	34
Наваждение	35
РУБЕЖ	36
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА	49
ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ	63
Я люблю тебя, мой Кольский край	63
Песни	64
Корабли	65
Вот и снова в Нижнем...	66
Песня об Аниве	67
Юношам и девушкам с КамАЗа	68
От автора	69

Евгений Иванович Алексеев

НА РУБЕЖЕ

Третий сборник новых стихов

Составители сборника:

Евгений Алексеев, Александр Рыжов

Редактор – автор

Подписано к печати 21.02.2005 г. Формат 70x90/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 3.

Тираж 500 экз. Заказ 681.

ОАО Мурманское издательско-полиграфическое предприятие «Север».
183624, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

